

²⁷ Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? С. 133.

²⁸ Лейбович О.Л. Интеллигенция в новой России: распад культурной среды. С. 47.

²⁹ Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? С. 134.

*Э.А. Черноухов
(Екатеринбург)*

Дело Е.М. Мосцепанова

Громкое дело учителя Выйского училища Демидовых в 1820–1821 гг. Евлампия Максимовича Мосцепанова, дошедшее до самого императора, получило относительно широкую известность, неоднократно упоминалось в работах по истории народного образования и освободительного движения на Урале¹. При этом различные материалы, сохранившиеся в архивных фондах РГАДА и ГАСО, позволяют более обстоятельно рассмотреть многие аспекты противостояния, внести некоторые коррективы в существующие излишне идеологизированные оценки.

Николай Никитич Демидов (1773–1828), вступивший в управление Нижнетагильским горным округом в 1791 г., одним из первых среди уральских заводчиков стал проводить патерналистский курс в своей социальной политике. Именно он заложил основы нового отношения к крепостным работникам², следствием которого стало создание обширной социальной инфраструктуры (медицинские, учебные и благотворительные заведения) в округе в первой половине XIX в.

Н.Н. Демидов, а затем и его наследники были уверены, что главные учителя и врачи могут реально быть только «из посторонних лиц» (для Нижнетагильских заводов – Э.Ч.), с которыми местная контора должна уживаться. Располагавшие значительными средствами заводовладельцы имели возможность обеспечить нанимаемым вольным учителям и врачам достойное материальное содержание и значительный социальный статус: бесплатная «господская» квартира, прислуга, экипаж для выездов и т. п.

Однако Демидовы не могли обеспечить «посторонним» учителям и врачам соответствующего отношения местного административного персонала и круг общения на далеком Урале. В тот период времени в заводских поселках региона, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Поэтому сам Н.Н. Демидов в письме управляющим Нижнетагильской конторы (1821 г.) отмечал, что образованному человеку, «который воспитан в столице или губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни».

В другом резком письме руководителям Нижнетагильской конторы (1826 г.) заводовладелец отмечал, что прекрасно знает, что местные приказчики имеют «закоренелую привычку... следовать своей амбиции». Они зачастую обращались с учителями и врачами, приезжавшими по контрактам в Нижнетагильский округ, как с простыми приказчиками. Это крайне болезненно воспринималось людьми, имеющими более высокий социальный статус (в том числе иногда и дворянское достоинство) и хорошее образование. Из-за этого часть из них раньше определенного в контракте срока покидали округ. Поэтому Н.Н. Демидов справедливо считал, что значительные средства, выделяемые им на развитие его социальной инфраструктуры, зачастую не приносили соразмерной пользы³.

В 1806 г. Нижнетагильское училище было преобразовано в закрытое учебное заведение для служительских детей, с переводом его в поселок при Выйском заводе. Н.Н. Демидов регулярно выражал недовольство качеством обучения в училище, основываясь на слабых знаниях воспитанников, присылаемых по его требованию с Урала. В 1819 г. Нижнетагильская контора не смогла прислать по его требованию «одного или двух писарей, ...даже не отличных, а просто элементарно обученных»⁴.

Главным виновником неудовлетворительного состояния Выйского училища заводовладелец считал его персонал. По его мнению, учитель И.Г. Калашников сам не знал в достаточной мере ни грамоты, ни арифметики и переложил обучение на учеников старших классов. Последние же занялись откровенным беспределом, постоянно наказывая младших учеников розгами. Применять подобные санкции они естественно не имели права. Однако учитель «не смел сказать грубого слова против старших учеников». Не могли пресечь их произвола и его помощник А. Попов, который в основном занимался обучением на дому детей заводского исправника, и надзиратель училища – человек престарелый и слабый⁵.

При этом Нижнетагильская контора продолжала посылать оптимистичные рапорта о Выйском училище. По мнению местных управляющих, титулярный советник Калашников преподавал в народных училищах уже около 30 лет, мог вести большинство необходимых предметов и был в их показательной оценке «поведения весьма не строптивого»⁶.

По указанию заводовладельца нового главного учителя для Выйского училища наняла его Санкт-Петербургская контора. В апреле 1820 г. в Санкт-Петербурге был подписан контракт на 5 лет с отставным штабс-капитаном Евлампием Максимовичем Мосцепановым (1780 г.р.). Дворянин Мосцепанов, окончивший Санкт-Петербургский кадетский корпус, за свои 40 лет жизни сменил многие места службы в различных частях империи⁷. На его неуживчивый характер, склон-

ность к «перемене мест» впоследствии обращали внимание нижнетагильские приказчики в своих донесениях Н.Н. Демидову.

Условия контракта Мосцепанова были весьма привлекательными: ему гарантировалось тысяча рублей жалования в год, господская квартира с прислугой, бесплатный провиант (мука, крупа, дрова, свечи), оплата проезда в обе стороны. Для сравнения отметим, что Калашников получал 400 рублей, а местные крепостные помощники учителя в Выйском училище по 100–150 рублей в год. Примерно таким же в тот период было жалование преподавателей в казенных горнозаводских школах региона⁸.

Мосцепанов действительно застал Выйское училище в «худом состоянии». По его мнению, это стало результатом жуткого произвола местных служителей. В своих письмах заводовладельцу он приводил конкретные примеры разворовывания средств, выделяемых на содержание училища. Он указывал, что воспитанники спали на полу, неделями ходили в старой, несменяемой своевременно одежде, недоедали, не получали в полном объеме определенные заводовладельцем награды за успехи в обучении. При этом служители, распоряжавшиеся училищными деньгами, строили новые дома, вели себя откровенно хамски (приходили в училище пьяными, били воспитанников за малейшую провинность).

«Доносы» Мосцепанова заводовладельцу (именно так их расценили местные служители, связанные с обеспечением деятельности училища) вызвали ответную резкую реакцию. Служители оскорбляли главного учителя лично и поощряли к его «непочитанию» учеников⁹.

Первоначально наводивший порядок Мосцепанов пользовался поддержкой Н.Н. Демидова. По распоряжению заводовладельца был уволен прежний учитель Калашников, оказавшийся еще «и поведения незавидного», отрешен от должности «директора» Выйского училища приказчик Морозов (а сама эта должность ликвидирована). Еще один приказчик Соловьев, позволивший себе откровенно дерзить Мосцепанову (крепостной – дворянину!) и бить тростью воспитанников в его присутствии, был вызван для разбирательства в Москву, а расчетчику Рябову предписывалось зачитать угрозу отправки в смиренный дом. Местной конторе было четко указано на существующую иерархию: «Мосцепанов определен к месту здешней (Санкт-Петербургской – Э.Ч.) конторы и ей во всем известен»⁹.

Однако вскоре Н.Н. Демидов, продолжавший получать из Нижнетагильской конторы многочисленные жалобы на деятельность Мосцепанова, решил не обострять отношения с местными служителями. В своих письмах в Нижнетагильскую контору он фактически оправдывался, отмечая, что он «лично Мосцепанова не знал и поэтому не мог иметь к нему никакого пристрастия». Самому главному учителю заводовладелец стал советовать находить общий язык с опыт-

ными приказчиками Нижнетагильской конторы, просить помощи у них, а не обращаться непосредственно к нему «через их головы»¹⁰.

Видимо, репающую роль в перемене позиции Н.Н. Демидова сыграло «вмешательство» Мосцепанова в неподчиненные ему сферы. В письмах заводовладельцу главный учитель писал о процветавшем кумовстве среди служителей, нерадивости местного лекаря, по две недели не посещавшего госпиталь, произволе смотрителя в Нижнетагильском воспитательном доме, приведшем к тому, что «крайности голода принуждали сих младенцев ручонками своими искать в щелях тараканов», и даже о «ядовитом дыме медной руды, несущемся ветром в училище» и вызывавшем головные боли¹¹.

Но Мосцепанов, похоже, не был склонен к примирению со своими противниками. Весной 1821 г. он попросил увольнения от должности учителя Выйского училища и попытался обратиться за помощью в борьбе с произволом в Нижнетагильском горном округе к гражданским властям региона, в том числе пермскому губернатору. Не смотря на то что в июле 1821 г. согласие заводовладельца на увольнение Мосцепанова было получено¹², он не получил определенной награды и денег на проезд до Санкт-Петербурга или Москвы.

За свои «доносы» Мосцепанов уже находился под присмотром заводского исправника. В августе против него началось следствие, в сентябре он был отправлен в Екатеринбург. В октябре 1821 г. Мосцепанов вновь безуспешно просил Нижнетагильскую контору выдать ему лошадей для отъезда в Санкт-Петербург. В 1825 г. он был осужден Екатеринбургским, а потом и Пермским судом к ссылке в Сибирь с лишением чинов и наград. Их приговор, правда, не был утвержден Сенатом и Николаем I¹³.

После этого скандального дела, по указанию Н.Н. Демидова, во всех контрактах с главными учителями Выйского училища появился пункт, запрещающий им вмешиваться в хозяйственные дела училища, а также заводские производства. Он предписал своим контрорам подыскивать главного учителя из гражданских чиновников, а не военных или священников.

Только с 1833 г. Демидовым в целом удалось решить проблему главного учителя и смотрителя в Выйском училище. Эту должность, вплоть до его реорганизации в 1862 г., занимали лица, получившие высшее или незаконченное высшее образование. Большинство из них были местными уроженцами, лучше адаптировавшимися к условиям жизни в горнозаводском поселке¹⁴.

Примечания

¹ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в. – 1861 г.) Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1977; Струнина М.Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX в. // Ученые записки МГПИ. № 187. М., 1962 и др.

² См.: Неклюдов Е.Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 85–87.

³ См.: Черноухов Э.А. «Посторонние» учителя и врачи в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 189–190.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 365. Л. 19 об.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 68. Л. 34 об.–35, 63 об.–64.

⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 356. Л. 23.

⁷ См. его биографию: Струнина М.Д. Указ. соч.

⁸ См.: Черноухов Э.А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. Гл. 1.

⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 365. Л. 30 об.–32; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 4; Оп. 2. Д. 68. Л. 156–156 об., 199–199 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 365. Л. 33–34; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 380. Л. 84.

¹¹ Шестова Т.Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. Пермь, 2000. С. 169; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 1753. Л. 8, 11 об., 12, 46.

¹² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 392. Л. 46.

¹³ См.: Калинина Т.А. Указ. соч. С. 171–172.

¹⁴ См. о нем: Черноухов Э.А. Учителя Выйского училища Демидовых (1806–1862 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.